

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Сурковой Александры Сергеевны
на тему: «Художественное и документальное в прозе США о Второй
мировой войне (1940-е гг.)»
по специальности 5.9.2. Литературы народов мира

Диссертация Александры Сергеевны Сурковой посвящена проблеме соотношения, взаимодействия, взаимовлияния документального и художественного начал в американской прозе о Второй мировой войне 1940-х гг. **Актуальность темы** обусловлена, прежде всего, все возрастающим вниманием и интересом ко Второй мировой войне в разных областях гуманитарного знания – истории, социологии, философии, литературоведения, юриспруденции, культурологии, и других гуманитарных и интердисциплинарных исследований. Юбилейные даты (в том числе недавно отмечавшееся 80-летие окончания войны) каждый раз вызывают очередной всплеск интереса в обществе к одному из важнейших событий XX столетия, и на этот «социальный заказ» откликаются не только публицистика, литература, кинематограф, но и академические круги: создаются новые центры и лаборатории, исследовательские проекты, в научный оборот вводятся новые документы и материалы. **Новизна** диссертации обеспечивается, во-первых, самой идеей работы – рассмотреть в неразрывном единстве художественную прозу и документалистику 1940-х гг. и тем самым провести объемную историко-литературную реконструкцию того, как опыт войны отражался, осваивался и трансформировался в разных жанрах (роман, рассказ, репортаж, очерк, мемуаристика) и на разных «этажах» американской словесности в специфических условиях военного времени и первых послевоенных лет. Такая задача в отечественной американистике не ставилась – традиционно литературоведы-американисты сосредоточивались либо на творчестве тех или иных авторов (Хемингуэй, Сэлинджер, Мейлер), либо на феномене военного романа / военной художественной прозы о Второй мировой, ее преемственности и отличии от

«потерянного поколения» 1920-1930-х гг., на бытовании военной темы в последующие десятилетия, в особенности 1950-1970-е гг. Поставленная новая задача потребовала изучения большого массива материала, в том числе неопубликованного (документы из фондов РГАЛИ), труднодоступного (американская периодика и редкие издания), которые соискатель впервые вводит или возвращает в научный оборот. Выбранные для анализа документальные и художественные тексты включают, помимо «канонических», хорошо известных («За рекой в тени деревьев» Хемингуэя или «Нагие и мертвые» Мейлера) произведения неизвестные (например, первые неопубликованные рассказы Сэлинджера) и малоизвестные (романы «Ночь напролет» Э. Колдуэлла, «Приключения Уэсли Джексона» У. Сарояна, «Райский катер» Ф. Уайли и др.) произведения.

Большой объем диссертации (почти 300 страниц) связан с обилием и разнообразием рассматриваемых источников; исследование, однако, хорошо структурировано, композиция отличается логичностью и базируется на периодизации литературного процесса 1940-х, предложенной исследователем – «горячая» фаза (до 1945 г., период военных действий) и «холодная» фаза (послевоенное пятилетие). В диссертации пять глав; первая носит вводный и обзорный характер, а на каждую из «фаз» отводятся по две главы, посвященных, соответственно, документалистике и художественной прозе.

Введение к работе содержит все необходимые разделы, в том числе развернутый аналитический обзор исследований по теме диссертации. Первая глава открывается теоретическим параграфом, в котором рассматриваются проблемы референциальности, специфики отражения действительности в документалистике и фикциональной литературе, разграничения и взаимопроникновения художественного и документального начал; рассматриваются понятия «документальный реализм» и «документальный модернизм»; особый акцент сделан на плодотворности синкетизма художественно-документальных текстов с учетом исторических особенностей генезиса американской прозы (начинавшейся с

документальных жанров) и перспектив литературного процесса в США второй половины XX в. Тем самым соискатель естественным образом переходит от теоретико-литературного к историко-литературному обзору, реконструируя контекст изучаемого периода и останавливаясь на документалистике и документально-художественной литературе периода Великой депрессии и на традиции военной прозы, порожденной Первой мировой войной. В завершающем параграфе главы рассматриваются два решающих фактора – военная цензура и пропаганда – определявших условия создания и бытования как документалистики / публицистики, так и художественной прозы в военный период, т.е. в первой половине 1940-х..

Вторая и третья главы, посвященные прозе т.н. «горячей» фазы (до 1945 г.), демонстрируют, что в этот период в центре литературного процесса находятся военные репортажи и публицистика, отвечавшие потребности читателя в информации и требованиям пропаганды и в наибольшей степени регулировавшиеся военной цензурой; именно эти жанры, как в содержательном, так и стилистическом плане, накладывают отпечаток на художественную прозу. Вторая глава начинается с рассмотрения фронтовых репортажей военных корреспондентов Э. Пайла, М. Геллхорн, Р. Капы, Э. Марроу, Дж. Шелли. Выделяются две основные функции этих текстов – информирования и решения пропагандистских задач, в т.ч. создание героизирующего нарратива, риторика и стилистика которого влияла на остальные прозаические жанры. Анализ этого материала дается с опорой на исторические реалии и факты (деятельность Министерства обороны, Управления цензуры и прочих институций). Вторая часть главы (параграф 2.3.) посвящена американским писателям (Хемингуэй, Стейнбек, Колдуэлл, Ирвин Шоу, Джон Херси), выступавшим в годы войны в амплуа военных корреспондентов, что обеспечивает логичный переход в третьей главе, исследующей художественную прозу «горячей фазы».

Здесь диссидентка подчеркивает ключевую роль автобиографической и документальной составляющей этой литературы. Большинство текстов

отражают либо опыт прохождения военной службы писателями (ранние рассказы Сэлинджера, малая проза Гарри Брауна, романы Сарояна и Уайли), либо восприятие войны в тылу (рассказы Фолкнера, «Болтающийся человек» Беллоу, «Фокус» А. Миллера). В качестве наиболее ярких примеров художественно-пропагандистского творчества рассматриваются повесть / пьеса Дж. Стейнбека «Луна зашла» и роман Колдуэлла «Всю ночь напролет» о партизанском движении на оккупированных территориях СССР. Противоположный случай представляют собой романы «Приключения Уэсли Джексона» У. Сарояна, «Райский кратер» Ф. Уайли, идущие вразрез с идеологическими установками и подвергшиеся цензурным ограничениям. Весь этот разнообразный материал работает на тезис о ведущей роли документалистики в «горячей фазе»: художественная проза во многом ориентирована на репортаж или очерк, на характерную для них установку на достоверность и фактографичность, так что элементы документалистики или стилизация под документальное письмо становится особой формой художественности, необходимой для достижения эффекта подлинности, аутентичности.

После окончания боевых действий, с началом «холодной фазы», наступает реакция на крайности, вызванные экстремальными условиями войны, начинается процесс осознания и проработки травмы войны, переосмыслиния военного опыта, который предстает во всей своей сложности и противоречивости .

Четвертая глава анализирует изменения, произошедшие в документалистике в послевоенное пятилетие. Первый ее раздел посвящен ретроспекции – мемуаристике, представляющей видение войны с временной дистанции (пусть и минимальной) и взгляд на события «сверху» (мемуары генералов Эйзенхауэра и Паттона) и «снизу» (воспоминания рядового Мерфи). Второй раздел анализирует документалистику, обращенную к «злобе дня» и осмысляющей отношение американцев к побежденным (Германия, Япония, Италия), к странам-союзникам и к начавшейся холодной

войне. Если «Русский дневник» Стейнбека включен для полноты картины (он иллюстрирует тему отношений с СССР, но ничего нового об этом произведении в диссертации не сообщается), то немецкий трапелог М. Бурк-Уайт и репортажи Дос Пассоса с Нюрнбергского процесса представляют собой малоизвестный материал, анализ которого можно признать вкладом в отечественную американистику. Актуальным является и подробное рассмотрение «Хиросимы» Дж. Херси, учитывая, что у нас только что вышел русский перевод (2020) этой книги, которая в свое время стала крупным событием (и не только в США). В целом соискателю удается аргументированно подкрепить основную мысль главы: по мере увеличения временной дистанции, функции информирования, свидетельства, пропагандирования уходят на второй план вместе с жанрами репортажа и очерка, а на первый план выступает задача философско-этического осмыслиения военных событий и их последствий. Логическим следствием изменения ожиданий и формирования нового общественного запроса становится приоритетная роль художественной литературы, которая, освободившись от прагматики и жестких ограничений военного времени, уже в первые послевоенные годы выводит осмыслиение военного опыта на качественно новый уровень, сочетая достоверность факта с иносказанием, презентацию действительности с ее трансформацией в пространстве имагинарного, и в очередной раз подтверждая правоту Аристотеля, считавшего, что поэзия серьезнее и философичнее истории.

Заключительная, самая большая по объему глава диссертации посвящена художественной прозе о войне 1945-1950 гг. В центре ее – целый ряд крупных явлений американской литературы, в том числе и признанные шедевры (знаменитые рассказы Сэлинджера, романы Хемингуэя и Мейлера), а также интересные и часто недооцененные произведения о только что закончившейся войне («Точка невозврата» М. Геллхорн, «Почетный караул» Коззенса, «Молодые львы» Шоу). Сложный и разнообразный материал требовал углубленного прочтения и развернутой интерпретации, с чем

исследователь в целом благополучно справился. В рамках этой главы соискателю удалось представить широкий спектр художественного осмыслиения войны и проанализировать поэтику с точки зрения соприсутствия фикциональной и документальной составляющих. Подчеркивается смена перспективы и переоценка ценностей, имевшие место сразу после отмены ограничений военного времени: переход от героизирующего нарратива к дегероизации и травестии, от воспевания американской армии к ее критике вплоть до комически-карикатурной заостренности и гротеска. Патриотизм и цельность характера сменяются кризисом идентичности и критическим отношением к американской политике, военной стратегии и тактике. Видение войны как исторической катастрофы глобального масштаба сочетается с вниманием к внутренним, психологическим переживаниям и с осмыслиением военного опыта сквозь призму экзистенциалистского миропонимания и понятия травмы. Диссидентка прослеживает складывание в художественной прозе второй половины 1940-х устойчивой топики (армия как бездушная машина, мир бюрократии и насилия; карьеризм и аморальность «наполеонов» – военачальников разных уровней и рангов; война как абсурд; война как предельное унижение человека и т.д.) и намечает перспективу дальнейшего исследования, указывая на бытование и творческую трансформацию этой топики в американском романе последующих десятилетий.

В Заключении даются основные выводы исследования, которые представляются убедительными и позволяют заключить, что вынесенные на защиту положения можно считать доказанными. О фундированности и глубине работы, **обоснованности и достоверности** ее результатов свидетельствует массив материала, освоенный, проанализированный и систематизированный соискателем, как и корпус отечественных и зарубежных исследований, включающий биографическую литературу, работы, посвященные американской военной литературе, журналистике и публицистике, поэтике, европейскому и американскому экзистенциализму,

теории травмы. Библиография диссертации включает 349 позиций, из них около половины приходится на источники (художественные произведения, мемуары, публикации в периодике).

Во время чтения работы возникают следующие соображения и вопросы.

1. В главе 1 дается широкое определение «документального» в художественной литературе. Как это понятие соотносится с «художественной документалистикой» как жанром, о котором говорится в п. 1.1.1? Где проходит граница между «художественным текстом с документальными элементами» и «художественной документалистикой»?
2. На с. 25 автор выделяет «особый жанр» – книгу, «сочетающую в себе документальное повествование и фотографии», которая появляется еще в 1890 г. Как можно определить этот жанр и как (если это так) он повлиял на формирование документально-художественного текста и имеет ли смысл говорить о визуальном в документальном или документально-художественном тексте в одном абзаце?
3. Во второй главе представлен довольно полный анализ репортажей Марты Геллхорн. Можно ли говорить о том, что это по существу «женское письмо» и не следовало бы противопоставить ее «оптику обочины» не просто «мужским» репортажам, а конкретно патриархатному взгляду Пайла или Хемингуэя?
4. В третьей главе возникает вопрос о том, каково принципиальное различие между «маленьким человеком» Сэлинджера и Брауна и, например, героем Беллоу или Сарояна? Представляется, что у Сэлинджера и Брауна «маленький человек» — это конкретный солдат в его бытовом измерении, а у Беллоу и Сарояна «маленький человек» — это экзистенциальный герой, чья индивидуальность подавляется любой системой, в том числе и армейской.

5. В пятой главе заметен дисбаланс в освещении авторов: глава заявлена как анализ произведений ряда авторов (Мейлер, Шоу, Коззенс, Хемингуэй, Сэлинджер, Геллхорн). Однако Норман Мейлер удостоен чрезвычайно подробного разбора, в то время как другим авторам (особенно Коззенсу и Хемингуэю)делено меньше внимания относительно масштаба их произведений. Если роман «Нагие и мертвые» поставлен в центр внимания исследовательницы, не стоило бы более явно артикулировать это во Введении и соответственно в заглавии?
6. В главе 5 анализируются романы и рассказы. Корректно ли сравнивать их по одним и тем же критериям? Возможно, стоит четче разделять анализ «больших форм» и «малых форм», где описание последствий травмы происходит принципиально разными средствами.
7. Общее для всего текста диссертации замечание – небрежность в обращении с переводом на русский язык: где-то цитаты даны на русском, где-то на английском без русского перевода.

Следует сказать, что высказанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования и весьма положительного впечатления от него.

Автореферат отражает основные положения диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.2 – «литературы народов мира» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени

кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Александра Сергеевна Суркова заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.2 – «литературы народов мира».

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук,
Профессор кафедры
сравнительной истории литератур
Института филологии и истории
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования "Российский государственный гуманитарный
университет"
Морозова Ирина Васильевна

26.10.2025

тел.: [REDACTED], e-mail: [REDACTED]

Специальность, по которой официальным оппонентом
зашита диссертация:

10.01.03 – Литературы народов стран зарубежья
(литература США)

Адрес места работы:

125047, г. Москва, пл. Миусская, д. 6, стр. 6.
Тел.: +7 (495) 250-61-18; e-mail: rsuh@rsuh.ru